

УДК 930.2:330.526.34(470.12-89)"18/..."
DOI 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54

П.П. КОТОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПРИБРЕТЕННЫХ УДЕЛЬНЫМ ВЕДОМСТВОМ В 1804 И 1824 ГОДАХ

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

P.P. KOTOV

CHARACTERISTICS OF THE LANDOWNERS' ESTATES OF THE VOLOGDA PROVINCE OBTAINED BY THE APPANAGE DEPARTMENT IN 1804 AND 1824

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktuykar*

Аннотация

На основе вновь вводимых архивных источников выявлено, что после покупок помещичьих имений в 1804 и 1824 гг. удельные владения расширились в трех уездах Вологодской губернии и в двух уездах были сформированы вновь. В системе управления появились два удельных отделения и три волости. Помещичьи крепостные по сравнению с удельными крестьянами Вологодской губернии были лучше обеспечены земельными угодьями, рабочим и продуктивным скотом и среди них отмечался более высокий процент работников, т. е. наблюдались более благоприятные условия для ведения хозяйства.

Ключевые слова:

Вологодская губерния, помещичьи имения, уезды и волости, людность поселений и дворов, тягловые работники, обеспеченность землей и скотом, денежный оброк

Abstract

Analysis of archival sources shows that in 1804 the Appanage Department obtained a rather large estate of Princess V.A. Shakhovskaya in the north-eastern part of the Vologda province. As a result, the appanage holdings were significantly expanded in Solvychevodsk uyezd and appeared in Velikoustyug uyezd. In the same year, in the south of the province, in the Vologda uyezd, four villages of the landowner F. Sokolova were purchased, which increased the number of state peasants in the uyezd by almost a third. After the acquisition of the patrimonial estate of Prince Shcherbatov, the number of appanage villages was replenished in the Kadnikovsk uyezd of the Vologda province and the number of state peasants in the Gryazovets uyezd increased by 95%. After the purchase of the landowners' estates in the Vologda province, the structure of the lower peasant administration was supplemented with two appanage divisions and three volosts. At the time of the purchase, the noble estates had a higher proportion of workers relative to the proportion of workers in the appanage villages of the province. These landowners' serfs, in comparison with the state peasants, were better provided with arable land, hay and forest land, working and productive cattle. Therefore, in the landowners' estates, there were more favorable conditions for managing than in the appanage villages of the Vologda province. It is quite understandable that the landlord serfs, relative to the state peasants, mostly paid higher monetary payments in favor of the owner, although in the Shakhovskaya estate, 40.5 % of peasants had the opposite situation. Six years after the purchase, the monetary dues for the former serfs of Princess Shakhovskaya and the landowner Sokolova were equal to the appanage dues, while the former

peasants of the Shcherbatov patrimonial estate paid much larger dues until the reform of 1863.

Keywords:

Vologda province, landowners' estates, uyezds and volosts, population of settlements and farmyards, draught workers, provision with land and cattle, monetary dues

В настоящий период остается актуальной проблема решения продовольственной безопасности России. В этой связи возрастает интерес к исследованию аграрных проблем и истории крестьянства. Вплоть до отмены крепостного права крестьянство России не представляло монолитной массы и подразделялось на разные категории [1; 2, с. 197–203; 3]. История этих групп крестьянства изучена неравномерно [4–6], в том числе как в целом по северному региону [7–9], так и по отдельным аспектам [10–12]. Кроме того, ряд вопросов рассмотрены недостаточно или вовсе остаются не затронутыми. Так, в трудах российских историков не все проблемы истории удельной деревни нашли должное отражение [13–15]. В частности, упущен вопрос о расширении удельных владений, который происходил во многих губерниях. В основном упоминается так называемый Симбирский обмен, когда удел обменял своих крестьян ряда губерний на казенных поселян в Симбирской губернии [14, с. 124–128; 16, с. 215–222.; 17].

В России собственность царя и его семьи аккумулировалась в виде дворцовых земель, крестьян и имущества [2, 18 – 20]. По закону от 5 апреля 1797 г. дворцовая собственность вместе с крестьянами были переподчинены специально созданному Департаменту уделов, которое осуществляло управление, но все доходы должны были распределяться между членами царской семьи (они выступали коллективным собственником владений) [21]. С другой стороны, была сформирована новая категория сельских жителей – удельные крестьяне.

По закону удельное ведомство имело право покупать собственность и крестьян. Выявленные архивные источники позволяют не только отобразить факт приобретения уделом новой собственности на примере Вологодской губернии, но и проанализировать состояние крестьянских хозяйств приобретаемых дворянских поместий.

В марте 1804 г. удел оформил одну из первых своих сделок – за 145 тыс. руб. он купил достаточно крупную вотчину княгини В.А. Шаховской, в которой числилось 78 селений, 996 наличных душ мужского пола и 1 133 женских душ (далее соответственно – д. м. п. и д. ж. п.) и более 26 тыс. дес. земли (около 6,5 тыс. дес. пашни и сенокоса, свыше 17,1 тыс. дес. леса и 2,5 тыс. дес. «неудобий») [22, л. 38–147]. После уточнений и приписки находившихся в отлучке крепостных в имении княгини Шаховской было определено считать по V ревизии 917 окладных душ мужского пола (на них начислялись подати и повинности) и 1 100 неокладных женских душ (см. табл. 1). Владения В.А. Шаховской, как показывают материалы, карты, располагались по

берегам низовий рек Сухоны и Вычегды и верхнего течения Северной Двины в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах Вологодской губернии. В Сольвычегодском уезде в число покупных крепостных, по сути насильно, были включены две деревни с половниками, несмотря на их протесты (табл. 1). К этому времени удельные крестьяне проживали лишь в северной части Сольвычегодского уезда (см. карту). Здесь 177 деревень и 3 324 ревизских д. м. п. удельных поселян были отнесены к Афанасьевскому приказу, 63 деревни и 1 529 душ – к Борецкому приказу (к нему приписаны еще и 1 483 удельных крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии). На Европейском Севере России все удельные приказы (низовые органы крестьянского самоуправления) объединяла Архангельская удельная экспедиция, одна из девяти, созданных в стране в 1798 г. [23]. В Сольвычегодском уезде покупка имения княгини Шаховской обеспечила прирост удельных селений на 19,2 %, ревизских д. м. п. – на 9,1 % и увеличило общую долю удельных крестьян среди населения уезда с 17,1 до 18,7 %. При этом в Великоустюгском уезде впервые появились 32 удельных поселения и 476 д. м. п. удельных крестьян, которые составляли, правда, только 1,5 % его жителей (см. табл. 1) [8, с. 313; 24; 25].

В рамках вотчины Шаховской в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах было образовано Кузнецовское удельное отделение. Оно, как и другие удельные отделения, фактически приравнивалось к удельным приказам. Приказы и отделения на Севере разделялись на группы селений, которые назывались в Вологодской губернии боярщинами, десятинами, сотнями, деревнями, приходами, но чаще – волостями. Эти группы селений представляли из себя сложные общины. В редких случаях и только на части южных уездов Вологодской губернии были выявлены простые общины в границах отдельных удельных селений. Именно общины занимались переделами земельных угодий, прежде всего пашни, и определяли размеры податей и повинностей на каждую семью. Созданное Кузнецовское удельное отделение разделялось на десять волостей или сложных общин, которые различались по числу поселений и жителей. Так, в Грогоровской волости бытовало три деревни, тогда как в Горской волости – 15 деревень, в Устьевской волости проживало 49 ревизских д. м. п., в Цареконстантиновской – 132 души (см. табл. 1).

В конце декабря 1804 г. в Вологодской губернии удельное ведомство оформило еще одну сделку – за 19 650 руб. оно купило имение «вдовы помещика Соколова Феодосьи», в четырех деревнях которого проживали 102 «наличных» мужчин и 111 женщин

Таблица 1

Людность дворов и селений и доля работников среди крестьян дворянских имений, купленных уделом в 1804 и 1824 гг.

Table 1

The population of farmyards and villages and the share of workers among the peasants of the noble estates purchased by the Appanage in 1804 and 1824

Имение, деревня, волость, уезд	Хозяев, семей	Дворов	Душ по ревизии		Душ обоего пола		Работники тягловые		Работники полутягловые	
			муж.	жен.	на одно селение	на один двор	душ	%	душ	%
Имение Шаховской (1804 г., V ревизия)¹										
Деревня Окуловка, половники	5	6	15	20	35,0	5,8	12	80,0	2	13,3
Деревня Нероновская, половники	2	1	5	3	8,0	8,0	3	60,0	0	0,0
Горская волость	35	32	112	141	16,9	7,9	53	47,3	15	13,4
Григоровская волость	15	14	60	63	41,0	8,8	37	61,7	10	16,7
Нюбская волость	24	24	66	86	19,0	6,3	45	68,2	6	9,1
Пицкая волость	24	23	68	87	19,4	6,7	39	57,4	8	11,8
Устьевская волость	16	14	49	56	21,0	7,5	25	51,0	7	14,3
Шешуровская волость	16	16	66	94	32,0	10,0	37	56,1	6	9,1
Итого в Сольвычегодском уезде	130	123	441	550	21,5	7,6	251	56,9	54	12,2
Вондокурская волость	34	35	127	157	31,6	8,1	69	54,3	14	11,0
Кузнецовская волость	33	30	111	130	34,4	8,0	64	57,6	14	12,6
Удимская волость	35	34	106	120	20,5	6,6	62	58,5	14	13,2
Цареконстантиновская волость	42	37	132	143	55,0	7,4	83	62,9	9	6,8
Итого в Великоустюгском уезде	144	136	476	550	32,1	7,5	278	58,4	51	10,7
Всего по имению, включая половников	281	266	917	1100	25,9	7,6	529	57,7	105	11,5
Имение Щербатова (1824 г., VII ревизия)²										
Наремская волость, Кадниковский уезд	46	43	127	119	49,2	5,7	61	48,0	–	–
Обнорская волость	20	19	44	44	29,3	4,6	23	52,3	–	–
Комлевская волость	124	119	363	379	49,5	6,2	182	50,1	–	–
Итого в Грязовецком уезде	144	138	407	423	46,1	6,0	205	50,4	–	–
Всего по имению	190	181	534	542	46,8	5,9	266	49,8	–	–

Примечание: ¹ – по имению Шаховской – д. м. п. по V ревизии, ² – по имению Щербатова – д. м. п. по VII ревизии; тире (–) – данные не выявлены.

Источники: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 146 об.–147; Оп. 10. Д. 587. Л. 27 об.–32 об.; Д. 773. Л. 41–106.

Sources: RGIA. F. 515. Op. 7. D. 10. P. 146 об.–147; Op. 10. D. 587. P. 27 об.–32 об.; D. 773. P. 41–106.

[26, л. 61–73]. После уточнений по V ревизии ведомство зачло 96 окладных д. м. п. и 92 неокладных женских души (см. табл. 2). После сделки число удельных селений в Вологодском уезде увеличилось на 36,4 %, число ревизских д. м. п. – на 31,9 %. Однако удельные поселяне составляли не более 1,2 % населения уезда [8, с. 313; 25, л. 27–28 об.].

Обратим внимание, что по указу от 15 мая 1808 г. в регионах взамен девяти экспедиций учредили 38 удельных контор (имений) и приравненных к ним отделений, которые подразделялись по-прежнему на приказы и низовые отделения, действующие в рамках крестьянского самоуправления [27]. На Севере были созданы самостоятельные Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения). В их границах прежние границы приказов были существенно переформатированы. Например, на севере Сольвычегодского уезда были созданы Верхотоемский (2020) и Афанасьевский (2833) при-

казы* и оставлено неизменным Кузнецовское отделение [25, л. 25 об.–28 об.].

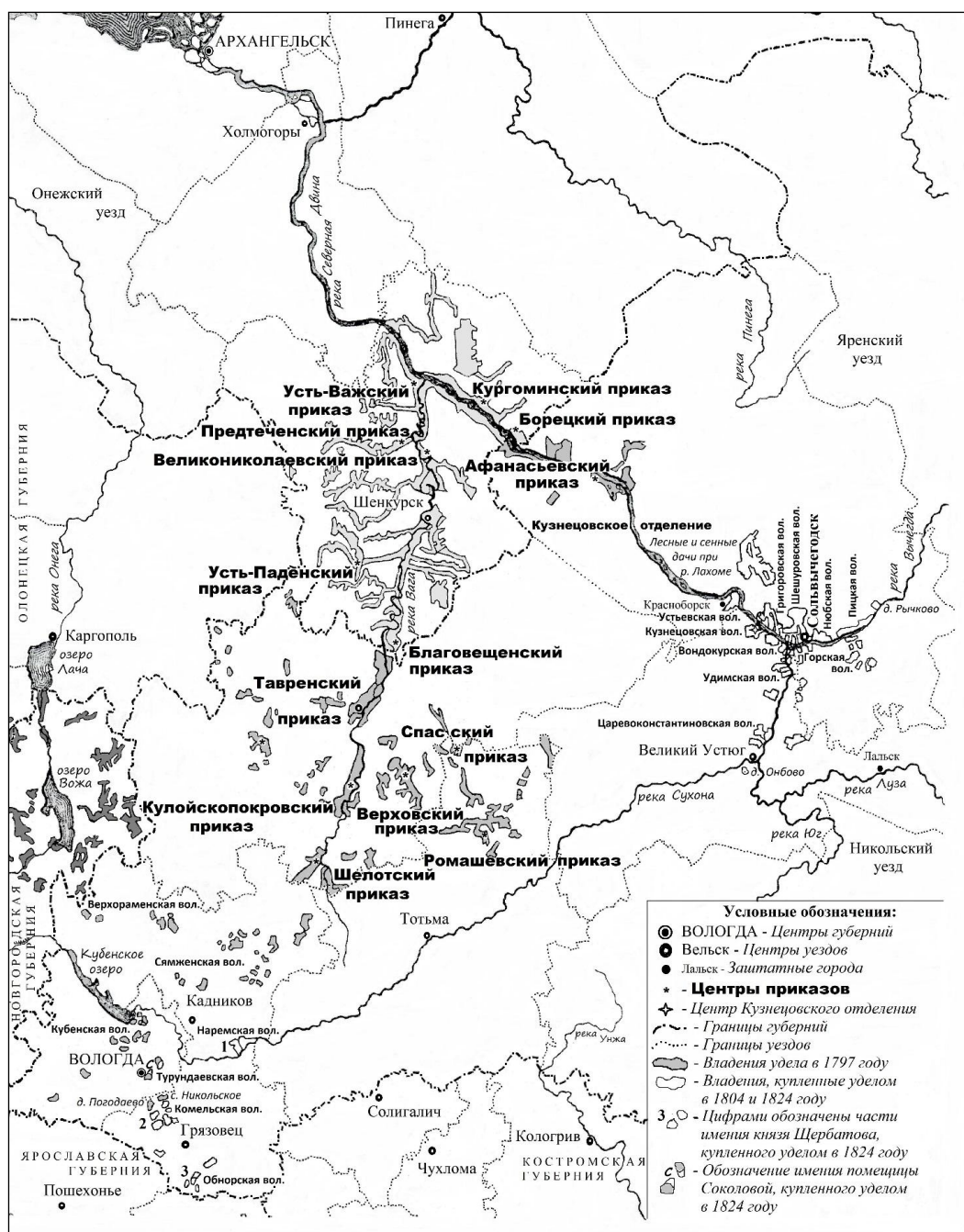
В южных уездах Вологодской губернии после 1797 г. удельные крестьяне проживали: в Кадниковском уезде – в четырех деревнях Верхораменской волости (150) и в четырех селениях Сямженской волости (198); в Вологодском уезде – в пяти деревнях Кубенской волости (62), в семи «разных селах и деревнях» (243) и в четырех «удельных деревнях бывшего имения помещика Соколова» (96); в Грязовецком уезде – в с. Никольском (14) и дер. Погодаево (6). В ходе реформирования к началу 1809 г. все удельные поселения трех южных уездов Вологодской губернии были объединены в Турундаевское отделение. Одновременно в рамках отделения создали новую Турундаевскую волость, в которую включили «11 не волостных удельных сел и деревень» Вологодского уезда [25, л. 27–28 об.].

* В скобках указано число д. м. п. по V ревизии.

Заметные изменения в Турндаевском отделе наступили после покупки уделом за 200 тыс. руб. вотчины князя Щербатова в апреле 1824 г. Удельные владения пополнили 23 поселения, 534 д. м. п. и 542 д. ж. п. по VII ревизии, 3 728 дес. угодий «единственного владения» и 4 760 дес. «общего пользования» [28]. Материалы табл. 1 и карты показывают, что пять селений бывшего поместья Щербатова в Кадниковском уезде образовали Наремскую волость; 15 селений в Грязовецком уезде вместе с уже существовавшими удельными с. Никольским и дер. Погодаево создали Комельскую волость и оставшиеся три деревни в том же Грязовецком уезде объединились в Обнорскую волость. В результате в Кадниковском уезде численность

удельных крестьян возросла на четверть, в Грязовецком – почти на 95 %.

К моменту покупки уделом дворянских поместий в Вологодской губернии после очередной ревизии проходило несколько лет и поэтому число наличных душ превышало таковые по текущей ревизии. Исключение наблюдалось в им. князя Щербатова, где в 1824 г. насчитывалось на 10 мужчин меньше учтенных в 1816 г. по VII ревизии. Да и наличных женщин в нем насчитывалось только на 11 душ больше нежели по ревизии, тогда как по другим имениям эта разница была существенной. В вотчине княгини Шаховской наличных мужских душ было на 8,6 % больше ревизских, женских душ – на 3,0 %, в имении Ф. Соколовой соответственно на 6,3 %

Карта удельных владений на Европейском Севере в начале XIX в. (автор: П.П. Котов).
Map of appanage possessions in the European North at the beginning of the XIX century (author: P.P. Kotov).

Таблица 2

Число дворов, душ, работников и голов скота в поместье Ф. Соколовой в 1804 г.

Table 2

Number of farmyards, souls, workers and livestock in the estate of F. Sokolova in 1804

Деревни	Хозяев (семей)	Дворов	Душ по V ревизии		Душ всего на 1 двор	Работники тягловые ¹		Голов в расчете на 100 душ об. п. по V ревизии				
			муж.	жен.		душ	%	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего ²	Птица
Баранково	13	11	23	23	4,2	26	56,5	45,7	108,7	158,7	170,2	187,0
Доронино	13	13	26	27	4,1	26	49,1	54,7	118,9	103,8	184,0	188,7
Желудкино	11	10	31	29	6,0	29	48,3	41,7	75,0	156,7	132,3	175,0
Погари	7	6	16	13	4,8	19	65,5	44,8	96,6	89,7	150,3	248,3
Всего	44	40	96	92	4,7	100	53,2	46,8	98,9	131,9	158,9	193,1

Примечание: ¹ – душ обоого пола; ² – 10 голов мелкого скота засчитаны за одну особь крупного скота.

Источники: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 37. Л. 19–187 об.; Оп. Д. 587. Л. 27 об.–32 об.

Sources: RGIA. F. 515. Op. 7. D. 37. P. 19–187 об.; Op. 10. D. 587. P. 27 об.–32 об.

мужчин и на 20,7 % женщин. Заметим, что в последнем имении наряду с Наремской волостью Кадниковского уезда число ревизских д. м. п. превышало число д. ж. п. (см. таблицы 1 и 2).

Материалы данных таблиц показывают, что наиболее заселенными оказались деревни поместья Ф. Соколовой, в котором по V ревизии в среднем в одном селении проживало 47,0 д. об. п., тогда как в имении Шаховской 25,9 д. об. п. (в Сольвычегодском уезде – всего 21,5 души, в Великоустюгском уезде – 32,1 души). Однако по отдельным деревням наблюдались значительные отклонения. Некоторые селения были на грани запустения: в дер. Горка Удимской волости проживал один житель (к началу 1830-х гг. деревня обезлюдела), в дер. Козловской Ньюбской волости – три жителя и в дер. Новина Пицкой волости – пять человек. В имении Шаховской из 78 селений только в с. Нокшинском Цареконстантиновской волости числилось свыше 100 душ, а в вотчине Щербатова по VII ревизии таких селений было четыре: Наремская слобода Верхнего конца в Кадниковском уезде и деревни Марково, Закобякино и Поповская в Грязовецком уезде [25, 26, 28]. В среднем по вотчине Щербатова людность деревень по VII ревизии составляла 46,8 д. об. п., т. е. приближалась к людности деревень в поместье Соколовой, в Комлевской и Наремской волостях даже превышала людность указанных деревень (см. таблицы 1 и 2). В среднем заселенность удельных селений относительно купленных была выше. Так, в Сольвычегодском уезде на одно удельное селение приходилось по 41,6 д. об. п. по V ревизии, в трех южных уездах Вологодской губернии – по 67,1 д. об. п., в Сямженской волости и во все по 101,8 души, в среднем по всем удельным селениям Вологодской губернии – по 43,6 д. об. п. [3, 29, 30].

Если деревни в имении княгини Шаховской были более малолюдными по сравнению с поместьями в южных уездах Вологодской губернии, то людность дворов, напротив, была заметно выше на северо-востоке губернии. Например, в 1804 г. в среднем по имению В.А. Шаховской на двор приходилось 7,6 д. об. п. по V ревизии, то в поместье Ф. Соколовой только 4,7 души, в вотчине Щербатова в 1824 г. – 5,9 души по VII ревизии. Еще разительней эта разница выглядела при учете данных

по волостям, когда в Григоровской, Вондокурской и Кузнецовской волостях в среднем по двору обитало свыше 8 душ и в Шешурской волости – даже более 10 д. об. п. (см. таблицы 1 и 2). Усредненная людность дворов наблюдалась по всем селениям Вологодской губернии, где ее показатель в 1800 г. составлял 6,4 д. об. п. [3, с. 21].

Необходимо отметить, что в помещичьих имениях число семей в среднем превышало количество дворов. Иными словами, в некоторых случаях в одном дворе проживало по несколько крестьянских семей (см. таблицы 1 и 2). Такая ситуация была характерна и для удельной деревни, в которой с 1830-х гг. Департамент уделов вынужден был вмешиваться в этот процесс [31].

Бытование более многолюдных дворов на северо-востоке Вологодской губернии объяснялось суровыми условиями хозяйствования и необходимостью ведения разнообразной неземледельческой деятельности, что требовало больше рабочих рук и, соответственно, существование многодетных семей. Вероятно, подобными обстоятельствами объяснялся и более высокий процент работников в этих отдаленных районах губернии. В 1804 г. в среднем по поместью княгини Шаховской «тягловые» работники (возраст от 18 до 60 лет) составляли 57,7 % ревизских д. м. п., тогда как в вотчине князя Щербатова – 49,8 %. В имении помещицы Соколовой на полноценных работников приходилось 53,2 % от ревизских д. об. п. (см. таблицы 1 и 2). Однако известно, что доля работников среди женщин была выше, нежели среди мужчин [3, с. 20].

Конечно, по отдельным волостям доля работников различалась. Так, в 1804 г. в поместье Шаховской только в одной Горской волости они составляли 47,3 % от ревизских д. м. п., тогда как в Устьевской волости – 51,0 % и в остальных восьми волостях – от 56,1 до 68,2 %, а в имении Щербатова в 1824 г. эти показатели не превышали 52,3 % (см. табл. 1). Следует признать, что в целом по удельной деревне Вологодской губернии доля работников редко превышала половину ревизских душ, во всяком случае в 1840-х гг. [3, с. 20]. Отметим, что по сравнению с общегубернскими показателями и доля «полутягловых» работников (возраст от 16 до 18 лет) в помещичьих имениях была выше, составляя, например, в среднем по поместью Шаховской 11,5 % от

Таблица 3

Обеспеченность землей и скотом крестьян и доход с них в имении княгини В.А. Шаховской в 1804 г.

Table 3

Provision with land and livestock for peasants and income from them in the estate of Princess V.A. Shakhovskaya in 1804

Деревня, волость, уезд	Десятин на душу м. п. по V ревизии ¹				Голов в расчете на 100 душ об. п. по V ревизии					Доход, руб. ²	
	Усадьба	Пашня	Сенокос	Всего	Лошади	Крупный рог. скот	Мелкий скот	Всего ³	Птица ⁴	Всего	Оброк
Половники (деревни):											
Окуловка ⁵	0,27	1,4	–	1,7	37,1	165,7	117,1	214,6	77,1	6,76	5,50
Нероновская	0,20	1,3	17,9	19,4	62,5	112,5	137,5	188,8	75,0	3,75	2,49
Крестьяне (волости):											
Горская	0,21	3,0	9,3	12,5	23,3	83,0	117,0	118,0	32,4	6,04	4,78
Григоровская	0,17	1,9	12,5	14,8	30,1	161,0	122,0	203,3	53,7	4,85	3,59
Нюбская	0,26	3,2	3,3	6,7	32,9	96,1	127,0	141,6	40,8	6,49	5,23
Пицкая	0,28	2,1	3,1	5,4	37,4	98,1	186,5	154,1	43,9	8,52	7,26
Устьевская	0,18	1,1	2,5	3,7	35,2	105,9	132,4	151,3	32,4	4,84	3,58
Шешуровская	0,24	2,6	5,9	8,7	23,8	78,8	96,9	112,2	35,0	6,07	4,81
Сольвычегодский уезд ⁶	0,22	2,4	8,8	11,5	29,4	99,2	128,9	141,5	38,8	6,28	5,02
Сольвычегодский уезд, включая половников	0,23	2,4	8,6	11,2	30,0	101,6	128,6	144,4	40,5	6,26	5,00
Вондокурская	0,11	2,3	2,2	4,6	30,3	101,1	169,0	148,2	46,8	4,64	3,38
Кузнецовская	0,18	2,4	0,3	2,9	29,0	112,4	119,9	153,5	49,8	6,01	4,75
Удимская	0,22	1,9	0,6	2,8	35,4	97,3	173,0	150,0	60,6	7,89	6,63
Цареконстантиновская	0,23	1,8	0,7	2,7	33,1	75,3	136,7	122,0	64,4	5,04	3,78
Великоустюгский уезд	0,18	2,1	1,0	3,3	31,9	96,0	149,7	142,8	55,3	5,79	4,53
Всего	0,20	2,2	4,7	7,1	30,9	98,8	139,3	143,6	48,8	6,02	4,76

Примечание: ¹ – итоговые показатели могут не совпадать в связи с сокращениями цифр до десятых долей; ² – доход в расчете на душу м. п. по V ревизии; ³ – 10 голов мелкого скота засчитаны за одну особь крупного скота; ⁴ – в дер. Окуловка, кроме кур, имелось два гуся; ⁵ – сенокосом и лесом «пользуются при других селениях»; ⁶ – включая 988,5 дес. сенокоса в дачах по р. Лахома.

Источники: РГИА, Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 41–183 об.; Оп. 10. Д. 587. Л. 27 об.–32 об.

Sources: RGIA. F. 515. Op. 7. D. 10. P. 146 об.–147; Op. 10. D. 587. P. 27 об.–32 об.

ревизских д. м. п., по волостям – от 9,1 до 16,7 % (см. табл. 1) [3, с. 20].

Данные табл. 3 показывают, что в 1804 г. в среднем на одну ревизскую д. м. п. в имении Шаховской приходилось 7,1 дес. тягловой земли, в том числе пашни – 2,2 дес. и сенокоса – 4,7 дес. По волостям наблюдались существенные колебания: в Устьевской волости душевой надел пашни составлял 1,1 дес., а в Нюбской волости – 3,2 дес. В обеспеченности пашней различия между крестьянами по уездам рассматриваемого имения были не существенными. Другое наблюдалось в отношении сенокосов – ими лучше были обеспечены крестьяне Сольвычегодского уезда, в котором их площадь на душу составляла от 3,7 до 12,5 дес. (всего 8,6 дес.), против от 0,3 до 2,2 дес. (всего 1,0 дес.) в Великоустюгском уезде (см. табл. 3). В целом по удельной деревне Вологодской губернии наделы были меньше – в 1800 г. на 1 ревизскую д. м. п. приходилось по 1,2 дес. пашни и 0,6 дес. сенокоса [32]. Нужно осознавать, что в реальности угодий насчитывалось больше, особенно сенокосов, которые были разбросаны по лесам и трудно учитывались. В Сольвычегодском уезде, например, в распоряжении кре-

стьян княгини Шаховской находились «дачи по реке Лахома», в которых было «988,5 дес. покосов, 150,8 леса при селениях и 8799,9 дес. леса отхожего» (см. карту) [22, л. 146 об.–147]. Всего в имении Шаховской на одну ревизскую мужскую душу в Сольвычегодском уезде приходилось по 11,2 дес. леса «при селениях» и 21,1 дес. «отхожего» леса, в Великоустюгском уезде соответственно – 2,6 и 3,6 дес. леса [22]. Отметим, что после покупки поместий удельное ведомство стало считать лес сугубо своей собственностью и предоставление части его крестьянам при отмене крепостного права засчитывало «лесные и кустарные заросли» в качестве прирезки [33, 34].

Материалы табл. 3 показывают, что в имении Шаховской в расчете на 100 д. об. п. приходилось 30,9 лошадей, 98,8 голов крупного рогатого скота, 139,3 голов мелкого скота и в пересчете на крупный скот – 143,6 голов. При этом обеспеченность скотом крестьян имения по уездам оставалась примерно на одном уровне. Правда, в Сольвычегодском уезде в расчете на 100 душ крестьян было немного больше коров, в Великоустюгском уезде – лошадей и мелкого скота. Конечно, по волостям такие разли-

чия были иногда очень зримыми. В Вологодском уезде, в поместье Соколовой, обеспеченность рабочим скотом была лучше. Здесь в расчете на 100 д. об. п. приходилось 46,8 лошадей, 98,9 коров и 131,9 голов мелкого скота (см. табл. 2). Отметим, что у крестьян Соколовой имелось больше кур и петухов. У них на 100 д. об. п. приходилось 193,1 шт. птицы, тогда как в имении Шаховской – 48,8 шт. (см. таблицы 2 и 3). В целом по удельной деревне Вологодской губернии в среднем в 1798–1799 гг. в расчете на 100 д. об. п. имелось 27,3 лошадей, 81,0 коров, 74,0 голов мелкого скота и в пересчете на крупный скот – 115,7 голов [35, 36]. Иными словами, крестьяне купленных имений превосходили удельных поселян и по указанному основополагающему компоненту хозяйствования.

Среди историков принято считать, что помещичьи крестьяне выплачивали в пользу собственника большие подати, нежели крестьяне казенные и удельные. Этот посыл в целом подтверждается. Так, в 1798–1810 гг. для удельных поселян Вологодской губернии был определен единый оброк в размере 4,08 руб. с ревизской д. м. п., тогда как в 1804 г. в Сольвычегодском уезде оброк с ревизской души в пользу княгини Шаховской составлял 5,0 руб., в Великоустюгском – 4,53 руб. и в целом по имению – 4,76 руб. (см. табл. 3). Однако в имении Шаховской душевой оброк варьировался по волостям и для 371 ревизской души крепостных, или 40,5 % он был даже меньше, чем в удельной деревне (см. табл. 3). В 1810 г. удельный оброк для 8 289 ревизских д. м. п. Вологодской губернии, включая бывших крепостных Шаховской, был определен в размере 7,0 руб., в 1812 г. увеличен до 8,0 руб. [37, 38], т. е. крепостные полностью переводились на удельные нормы. Иное наблюдалось по вотчине Щербатова, в которой в 1824 г. существовал 20-рублевый душевой оброк и на котором крестьян оставили в уделе. После многочисленных жалоб «покупным» крестьянам душевые оброки с 1827 г. снизили до 15,0 руб., тогда как удельные крестьяне Вологодской губернии с 1824 г. выплачивали по 8,0 руб. с ревизской д. м. п. [28, л. 221–227; 39]. Положение для упомянутых бывших крепостных усугублялось тем, что удел вскоре стал разворачивать так называемую политику попечительства [31, 40]. В ее рамках существенно ограничивалось отходничество и возможности для промыслов, вводилась общественная запашка и другие меры регулирования для свободы хозяйствования [41, 42].

Таким образом, покупка уделом помещичьих имений в 1804 и 1824 гг. изменила ситуацию в удельной деревне Вологодской губернии. Площадь владений ведомства и численность крестьян заметно возросли в Сольвычегодском, Вологодском, Кадниковском и Грязовецком уездах. За счет «покупных» удельные крестьяне появились в Великоустюгском уезде. В результате в Вологодской губернии были сформированы два удельных отделения и несколько новых волостей. Заселенность приобретенных селений уступала таковой в целом по удельной деревне Вологодской губернии, тогда как людность дворов в дворянских поместьях на юге губернии была ниже, чем на северо-востоке регио-

на. Основные элементы хозяйствования крестьян в помещичьих имениях выглядели более предпочтительными относительно этих элементов в удельных поселениях губернии. Крепостные дворы имели более высокую долю работников, в расчете на ревизские души – больше земельных угодий и рабочего и продуктивного скота.

Литература

1. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – в первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. 190 с.
2. *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII – XVII веков. 2-е изд., испр. и доп. Вологда, 2013. 256 с.
3. *Котов П.П.* Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 18–22.
4. *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции в 5-ти т.* М., 1993. Т. 3. 664 с.
5. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. 400 с.
6. *Котов П.П.* Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия в XVIII – XIX веков // История государства и права. 2010. № 22. С. 12–14.
7. *История северного крестьянства.* Архангельск, 1984. Т. 1. 432 с.
8. *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. 416 с.
9. *Котов П.П.* Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985. С. 74–86.
10. *Иловайский И.Б.* Арендные отношения в государственной деревне во второй трети XIX в. (По материалам Вологодской губернии) // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года). Сыктывкар, 1981. С. 117–126.
11. *Котов П.П.* Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX века // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв. Межвузовский сборник. Сыктывкар, 1987. С. 21–29.
12. *Попов С.А.* Паспортные документы сельского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в начале XX века // Ученые записки Петрозаводского университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 83–90.
13. *Боголюбов В.А.* Удельные крестьяне // Великая реформа. В 6-ти т. М., 1911. Т. 2. С. 294–364.

14. *История уделов* за столетие их существования. 1797–1897. В 3-х т. СПб., 1901–1902. Т.1. 723 с.
15. *История уделов* за столетие их существования. 1797–1897. В 3-х т. СПб., 1901–1902. Т.2. 581 с.
16. *Гриценко Н.П.* Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки). Грозный, 1959. 585 с.
17. *Никulina Н.Ю.* Ликвидация удельной земельной собственности в России // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 38–45.
18. *Дунаева Н. В.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18–первая половина 19 в.). СПб., 2006. 284 с.
19. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII в. М., 1964. 352 с.
20. *Половинкин Н.С.* Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. 142 с.
21. *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание Первое. СПб., 1830. (Далее – ПСЗРИ-1). Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.
22. *Российский государственный исторический архив* (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 7. Д. 10.
23. ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126.
24. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48.
25. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 587. Л. 9 об.–13, 25 об.–28 об.
26. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 37.
27. ПСЗРИ-1. Т. XXX. № 23020. С. 226–258.
28. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 773. Л. 1–227.
29. *Государственный архив* Архангельской области (далее – ГАОО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 277. Л. 13 об. – 14.
30. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 7. Л. 1 об.–321.
31. *Котов П.П.* Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.
32. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 67. Л. 1 об.–181.
33. *Котов П.П.* К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 78–83.
34. *Котов П.П.* О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж, 1988. С. 54–63.
35. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 838. Л. 83–122 об.
36. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 839. Л. 37–78.
37. РГИА. Ф. 515. Оп. 13. Д. 791. Л. 26–34.
38. ПСЗРИ-1. Т. XXXI. № 24708. С. 806.
39. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 31. Л. 27–32.
40. *Гриценко Н.П.* Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. 1958. № 10. С. 249–287.
41. *Котов П.П.* Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 149–155.
42. *Котов П.П.* Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по

материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. №. 1. С. 13–22.

References

1. *Kabuzan V.M.* *Izmeneniya v razmeshhenii nase-lenija Rossii v XVIII– v pervoj polovine XIX v. (Po materialam revizij)* [Changes in the distribution of population of Russia in XVIII – first half of XIX century (According to auditing)]. Moscow, 1971. 190 p.
2. *Vasilyev Yu.S.* *Izbrannye trudy po istorii Evropeiskogo Severa Rossii XII – XVII vekov* [Selected works on the history of the European North of Russia of the XII–XVII centuries]. 2nd edition., revised and updated. Vologda, 2013. 256 p.
3. *Kotov P.P.* *Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie processy* [State peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] // Sci. notes of Petrozavodsk State Univ. Series: Social Sciences & Humanities. 2013. No. 1 (130). P. 18–22.
4. *Istoriya krest'yanstva SSSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v 5 t.* [History of the peasantry of the USSR from ancient times to the Great October socialist revolution in 5 volumes]. Moscow, 1993. Vol. 3. 664 p.
5. *Kovalchenko I.D.* *Russkoe krepostnoe krest'janstvo v pervoj polovine XIX v.* [Russian serfdom in the first half of the XIX century]. Moscow, 1967. 400 p.
6. *Kotov P.P.* *Rol' zakonodatel'nykh aktov Rossijskoj imperii v izuchenii rezul'tativnosti zemledelija v XVIII – XIX vekov* [Role of legislative acts of the Russian Empire in the study of effectiveness of agriculture in XVIII–XIX centuries] // History of the state and law. 2010. No. 22. P. 12–14.
7. *Istoriya severnogo krest'janstva* [History of northern peasantry]. Arkhangelsk, 1984. Vol. 1. 432 p.
8. *Kolesnikov P.A.* *Severnaya derevnya v XV – pervoj polovine XIX veka* [Northern village in XV – first half of XIX century]. Vologda, 1976. 416 p.
9. *Kotov P.P.* *Povinnosti gosudarstvennykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* // Sotsial'no-demograficheskie aspekty istorii Severnogo krest'yanstva (XVII–XIX vv.) [Duties of state peasants of the European North of Russia at the end of the XVIII-first half of the XIX century // Social and demographic aspects of the history of the Northern peasantry (XVII–XIX centuries)]. Syktyvkar, 1985. P. 74–86.
10. *Ilovaishy I.B.* *Arendnye otnosheniya v gosudarstvennoj derevne vo vtoroj treti XIX v. (po materialam Vologodskoj gubernii)* // Agrarnye otnosheniya i istoriya krest'janstva Evropejskogo Severa Rossii (do 1917 goda) [Rental relationships in a state village in the second third of 19th century (according to documents of the Vologda province)] // Agrarian relations

- and the history of the peasantry of the European North of Russia (before 1917)]. Syktyvkar, 1981. P. 117–126.
11. *Kotov P.P.* Hozyajstvo udel'nyh krest'yan Severa serediny XIX veka // Khozyaistvo severnogo krest'yanstva v XVI – nachale XX vv. [The household of state peasants of the North in the mid-XIX century // The economy of the northern peasantry in the XVI – early XX centuries]. Syktyvkar, 1987. P. 21–29.
  12. *Popov S.A.* Paspportnye dokumenty sel'skogo naseleniya Ust'-Sysol'skogo uezda Vologodskoi gubernii v nachale XX veka [Identity documents of the rural population of Ust-Sysolsk uyezd of the Vologda province in the early XX century] // Sci. Notes of Petrozavodsk State Univ. 2020. Vol. 42. No. 6. P. 83–90.
  13. *Bogolyubov V.A.* Udel'nye krest'jane [State pasants] // Velikaja reforma [Great reform]. In 6 volumes. Moscow, 1911. Vol. 2. P. 294–364.
  14. *Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovaniya. 1797 – 1897* [The history of appanages during the century of their existence. 1797-1897]. In 3 volumes. St. Petersburg, 1901–1902. Vol. 1. 723 p.
  15. *Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovaniya. 1797 – 1897* [The history of appanages during the century of their existence. 1797-1897]. In 3 volumes. St. Petersburg, 1901–1902. Vol. 2. 581 p.
  16. *Gritsenko N.P.* Udel'nye krest'yane Srednego Povolzh'ya (Ocherki) [State peasants of the middle Volga region (Essays)]. Grozny, 1959. 585 p.
  17. *Nikulina N.Yu.* Likvidatsiya udel'noi zemel'noi sobstvennosti v Rossii // Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii [Liquidation of appanage land property in Russia // North-West in the agrarian history of Russia]. Kaliningrad, 1986. P. 38–45.
  18. *Dunaeva N.V.* Udelnyie krestyane kak sub'ekty prava Rossiyskoy imperii (konets XVII – pervaya polovina XIX v.) [State peasants as subjects of the law of the Russian Empire (the end of XVIII – first half of XIX century)]. St. Petersburg, 2006. 284 p.
  19. *Indova E.I.* Dvortsovoe khozyaistvo Rossii. Pervaya polovina XVIII v. [Palace economy of Russia. First half of the XVIII century]. Moscow, 1964. 352 p.
  20. *Polovinkin N.S.* Dvortsovyie (udel'nye) krest'yane Srednego Povolzh'ya i Priural'ya (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX vekov) [Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Pre-Urals (second half of the XVI–first half of the XIX centuries)]. Tyumen, 1992. 142 p.
  21. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection]. St. Petersburg, 1830. (Further – *PSZRI-1*). Vol. XXIV. No 17906. P. 525–569.
  22. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian state historical archive] (Further – *RGIA*). F. 515. Op. 7. D. 10.
  23. *PSZRI-1*. Vol. XXV. No 18423. P. 126.
  24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian state historical archive] (Further – *RGIA*). F. 515. Op. 1. D. 13. P. 43–48.
  25. *RGIA*. F. 515. Op. 10. D. 587. P. 9 ob.–13, 25 ob.–28 ob.
  26. *RGIA*. F. 515. Op. 7. D. 37.
  27. *PSZRI-1*. Vol. XXX. No. 23020. P. 226–258.
  28. *RGIA*. F. 515. Op. 10. D. 773. P. 1–227.
  29. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti* [State archive of Arkhangelsk region] (Further – *GAAO*). F. 1. Op. 3. D. 277. P. 13 ob. – 14.
  30. *RGIA*. F. 515. Op. 5. D. 7. P. 1 ob.–321.
  31. *Kotov P.P.* Politika popechitel'stva udela i ee rezul'taty: na primere Evropeiskogo Severa Rossii [The policy of trusteeship of the apanage and its results: the example of the European North of Russia] // Bull. of Udmurt Univ. Series 5: History and Philology. 2012. Issue 3. P. 103–107.
  32. *RGIA*. F. 515. Op. 5. D. 67. P. 1 ob.–181.
  33. *Kotov P.P.* K voprosu o reforme 1863 g. na Severe // Izuchenie agrarnoi istorii Evropejskogo Severa SSSR na sovremennom jetape [To the problem of the reform of 1863 in the North // The study of agrarian history of the European North of the USSR at the present stage]. Syktyvkar, 1989. P. 78–83.
  34. *Kotov P.P.* O zemel'nom obespechenii byvshikh udel'nykh krest'yan po reforme 1863 goda // Burzhuaznye reformy v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [On land provision of the former state peasants on the reform of 1863 // Bourgeois reforms in Russia of the second half of the XIX century]. Voronezh, 1988. P. 54–63.
  35. *RGIA*. F. 515. Op. 5. D. 838. P. 83–122 ob.
  36. *RGIA*. F. 515. Op. 5. D. 839. P. 37–78.
  37. *RGIA*. F. 515. Op. 13. D. 791. P. 26–34.
  38. *PSZRI-1*. Vol. XXXI. No. 24708. P. 806.
  39. *RGIA*. F. 515. Op. 1. D. 31. P. 27–32.
  40. *Gritsenko N.P.* Politika feodal'nogo «popechitel'stva» udel'nogo vedomstva nad krest'yaniami [The policy of feudal "patronage" of the Appanage Department over the peasants] // Sci. Notes of the Chechen-Ingush Pedagog. Inst. 1958. No. 10. P. 249–287.
  41. *Kotov P.P.* Osobennosti otkhodnichestva udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii [Peculiarities of seasonal work of state peasants in the European North of Russia] // Bull. of St. Petersburg Univ. Series 2. 2012. Issue 3. P. 149–155.
  42. *Kotov P.P.* Obschestvennaya zapashka v udel'noy derevne Rossii v 1828–1861 godah: po materialam Evropeyskogo Severa [Public ploughing in the appanage village of Russia in 1828-1861: on materials of the European North of Russia] // Bull. of Udmurt Univ. Series: History and Philology. 2018. Vol. 28. No. 1. P. 13–22.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020